

Образ пустоты в повести Дж. Конрада «Сердце тьмы»

Михайленко Елена Николаевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и издательского дела Института гуманитарных и социальных наук, Уфимский университет науки и технологий. Россия, г. Уфа. E-mail: mikhaylenko71@bk.ru

Аннотация. «Сердце тьмы» Дж. Конрада – одно из самых сложных и неоднозначных произведений европейской литературы рубежа XIX–XX вв., породивших – прежде всего в западном литературоведении – обширную критическую традицию. Новизна данного исследования состоит в попытке автора статьи доказать, что одним из универсальных принципов, организующих пространство повести, является идея пустоты. Этому аспекту художественной структуры «Сердца тьмы» в отечественном конрадоведении не было уделено должного внимания.

Понятие пустоты в западной культуре, начиная со Средневековья, предстает преимущественно негативно окрашенным, поскольку позитивные коннотации благодаря влиянию христианства закреплены за понятием полноты. Круг ассоциаций, связанных с пустотой, включает в себя образы тьмы, смерти, небытия, пустого пространства, пустотелости, ирреальности, бессмысленности, непознаваемости, невыразимости и тщетности. Автор статьи обращает внимание на то, что они представлены в «Сердце тьмы» во всей совокупности, и последовательно анализирует компоненты произведения, в которых они реализованы. Отмечается, что Конрад обращался к ним при создании пространственно-временного фона, при изображении образов персонажей и при выстраивании сложной повествовательной стратегии со сменой рассказчиков и точек зрения. Вывод статьи заключается в том, что образы и мотивы, воплощающие идею пустоты, пронизывают все уровни повести и, взаимодействуя друг с другом, формируют идейный, тематический и символический каркас произведения.

Результат настоящего исследования может быть полезен специалистам по английской культуре и литературе, а также всем интересующимся творчеством Джозефа Конрада.

Ключевые слова: Джозеф Конрад, «Сердце тьмы», пустота, символ, лейтмотив.

«Сердце тьмы» Дж. Конрада (1900) можно отнести к числу самых непростых и противоречивых книг западной литературы конца XIX – начала XX столетий. По замечанию британского писателя Ричарда Гекоски, возникает впечатление, что повесть едва ли не намеренно создана для того, чтобы обеспечить работой литературоведов и критиков, и существует столько же ее истолкований, сколько слоновой кости у мистера Куртца [21, р. 57]. Едва ли можно согласиться с Карен Хьюитт, утверждающей, что, хотя Конрад и исследует тьму человеческого сердца, это «ни в коем случае не символическое или метафизическое произведение» [12, с. 176] в силу его предельной реалистичности. На наш взгляд, это очевидное и неоправданное упрощение проблематики повести, которая даже в немногих отечественных исследованиях советского периода была отнесена к разряду «книг-парабол» и «романов-притч» [11, с. 9]. В письме 1918 г. Конрад предельно осторожно объясняет одному из своих корреспондентов: «..произведение искусства крайне редко имеет одно-единственное истолкование и совсем необязательно сводится к какому-то определенному тезису» [6, с. 236]. Мысль писателя можно сформулировать откровеннее: имеет ли вообще отношение к искусству произведение, допускающее лишь одно истолкование и сводимое к одному определенному тезису?

В настоящей статье предпринята попытка показать, что ключевую роль в художественной структуре «Сердца тьмы» играет наряду с образом тьмы образ пустоты, пронизывающий все уровни текста – от повествовательной структуры до символики. Постановка проблемы тем более правомерна, что уже в названии повести фигурирует очевидная и едва ли не самая

явная для человека западной культуры негативная ассоциация с пустотой. Тем не менее предложенная тема – идея пустоты как сквозной структурообразующий принцип «Сердца тьмы» – прежде не становилась, насколько нам известно, предметом специального комплексного исследования, и этим обусловлена научная новизна работы.

В западном литературоведении «Сердце тьмы» является предметом неослабевающего пристального внимания со второй половины XX в. В огромном массиве опубликованного материала выделяются посвященные повести тематические издания, выходившие в авторитетных академических сериях „Modern Critical Interpretations“, „Case Studies in Contemporary Criticism“ и др. На наш взгляд, наибольший интерес среди них представляет вышедший в 1987 г. в Нью-Йорке под редакцией профессора Йельского университета Гарольда Блума сборник работ 60–80 гг., без преувеличения составивших золотой фонд конрадианы [24]. Усилиями выдающихся англо-американских исследователей в образах и мотивах «Сердца тьмы» обнаружены отсылки к целому ряду мифологических и литературных памятников; выяснены нюансы конрадовского восприятия западных философских и естественно-научных тенденций рубежа веков; повесть включена в политический и общекультурный контекст рубежа XIX–XX вв.

Следующей вехой академического конрадоведения стало издание 1996 г. под редакцией профессора университета Майами Росса Мерфина, включающее помимо авторизованного текста «Сердца тьмы» несколько эссе в русле актуальных течений критической мысли – литературной деконструкции [30], гендерных исследований [32], «нового историзма» [15] и «культурной критики» [14]. Наконец, появление английского перевода эссе Филиппа Лаку-Лабарта «Ужас Запада» привело к выходу в 2012 г. коллективной монографии «Возвращение к ужасу с Лаку-Лабартом» под редакцией профессора Лейденского университета Нидеша Лоту [18]. Цель издания была сформулирована редактором так: «открыть новую литературно-философскую линию исследования, которая вновь обращается к «Сердцу тьмы» в свете современной мысли» [26, р. 1]. Практически во всех эссе двух последних упомянутых сборников повесть рассматривается сквозь призму духовного, идеологического и политического опыта XX и отчасти XXI столетий. Так, в картинах колониального геноцида, созданных Конрадом в преддверии XX в., один из основателей теории литературной деконструкции Джон Х. Миллер [30] и Филипп Лаку-Лабарт [25] увидели сценарии грядущего апокалипсиса, инициируемого Западом, – механизированного уничтожения людей, в том числе холокоста.

Из недавних работ хотелось бы отметить монографию немецкого исследователя Маттиаса Лоренца «Дальнее родство» (2022). В фокусе автора – ряд затронутых в «Сердце тьмы» проблем, по разным причинам требующих сегодня переосмысления. Отметим среди них две наиболее значимые, на наш взгляд. Во-первых, Лоренц демонстрирует свою позицию в рамках продолжающейся дискуссии, вызванной обвинениями Конрада в расизме со стороны нигерийского писателя Чинуа Ачебе. Во-вторых, автор книги объясняет бросающиеся в глаза странности повествования Марлоу его травматическим опытом: «Марлоу оказывается типичным ненадежным травмированным рассказчиком. У него наблюдается частичная амнезия; все разнообразные элементы его рассказа кажутся ему эквивалентными, он не способен иерархизировать, упорядочивать и интерпретировать их» [27, р. 33].

Эти издания обладают, по нашему мнению, достаточной репрезентативностью для того, чтобы дать представление об уровне и ориентирах зарубежного конрадоведения. Можно заметить, что идеологическая и философская проблематика повести со времени ее публикации в журнале „Blackwood’s Magazine“ в 1899 г. стала приоритетной для западных рецензентов и критиков по сравнению с собственно художественными аспектами произведения, по сей день воспринимаемого прежде всего как «событие мысли» (выражение „*événement de pensée*“ принадлежит Ф. Лаку-Лабарту [25, р. 112]).

Отечественная традиция изучения «Сердца тьмы» существенно уступает западной по объему опубликованного материала и отличается по охвату проблем: научные интересы российских специалистов связаны преимущественно с художественной составляющей повести. Конрадоведение советского периода представлено очень небольшим количеством исследований – прежде всего программной статьей И. А. Кашкина «Конрад» [3], монографией Д. М. Урнова «Джозеф Конрад» [11] и несколькими статьями и диссертациями по поэтике произведений Конрада.

Среди новейших трудов, посвященных «Сердцу тьмы», выделяется коллективная монография «Эстетизация личного опыта в европейском романе XVIII – XX вв.» (2014). В. С. При-

ходько, автор главы «Отчужденность и откровение: парадоксальность взаимодействия с «Другим» в «Сердце тьмы» Джозефа Конрада» [8] рассматривает философскую и социокультурную категорию Другого на материале отношений Марлоу и Куртца, а также Марлоу и рамочного повествователя. Автор работы исследует характер их взаимодействия и решает проблему разграничения позиций биографического автора и двух рассказчиков. И. В. Кабанова, посвятившая «Сердцу тьмы» главу своего учебного пособия (2002), называет Конрада одним из основоположников модернизма в силу его понимания мира как враждебного человеку непостижимого хаоса и связывает замысел повести с исследованием природы зла, выделяя в качестве лейтмотивов произведения «зло, тьму и мрак» [2, с. 237]. З. А. Сафарова, автор вышедшей в 2022 г. статьи «Значимость "человеческого фактора" в произведениях Джозефа Конрада», делает по итогам краткого анализа «Сердца тьмы» вывод о том, что «повествуя о жизни, он (Марлоу. – Е. М.) находит разгадку души героя и одновременно с этим познает самого себя» [10, с. 728].

В западном культурном сознании, начиная с античности, понятие пустоты традиционно имеет нейтральную (то, чего нет; несуществующее) либо негативную (хаос, небытие и смерть) коннотацию [7, с. 131–132]. В христианском богословии божественной полноте противостоит негативная пустота, так что в этой системе координат зло означает отсутствие добра, тьма – отсутствие света, а ложь – отсутствие истины. В конечном счете пустота закономерно связывается здесь с дьявольским началом [4, с. 55]. Наконец в обыденном сознании человека западной культуры с пустотой – помимо ее непосредственного пространственного измерения – обычно ассоциируются тщетность, бессмысленность и бесцельность.

В «Сердце тьмы» мотив пустоты впервые возникает в начале африканского вояжа Марлоу, когда он на французском пароходе добирается до Центральной Станции – места своей будущей работы: однообразие плавания и вынужденное безделье вызывают у него ощущение мрачной, тягостной и бессмысленной галлюцинации ("the toil of a mournful and senseless delusion" [17, р. 28]). Реальность как полнота вещей, смыслов, свойств, связей оборачивается – в силу их нехватки или отсутствия – ирреальностью, предстающей естественным коррелятом пустоты. Временами Марлоу ловит себя на потребности хвататься за любые непреложные факты, которые позволяют сохранить почву под ногами. Это желание не покинет его на протяжении всего срока пребывания в Африке. Занимаясь починкой парохода на Центральной Станции, он день за днем вынужден наблюдать, как по двору, подобно сомнамбулам, слоняются деморализованные глушью агенты по добыче слоновой кости, «пилигримы без веры», убивающие время в ожидании непонятно чего и вяло интригующие друг против друга. Марлоу отмечает нереальность происходящего вокруг него и констатирует, что от нелепой участи «пилигримов» его спасает именно повседневная работа, привязывающая к реальности и позволяющая противостоять мороку обступающей глуши: "In that way only it seemed to me I could keep my hold on the redeeming facts of life" [17, р. 38]. Трудно сказать, стоит ли за этой уверенностью Марлоу сам Конрад, который определенно разбирался в «сложных системах самообмана» [1, с. 183], выстраиваемых людьми. С другой стороны, исследователями отмечена приверженность Конрада трудовой этике, сближающая его с Фрейдом [33, р. 100].

Мотив пустоты как ирреальности сопровождает в тексте и все, что касается европейского присутствия в Африке. Сильное впечатление на Марлоу оказывает французский военный корабль, который «в пустой необъятности земли, неба и воды» (здесь и далее за исключением особо оговоренных случаев перевод подстрочный, "in the empty immensity of earth, sky, and water" [17, р. 29]) с завидным упорством, но без малейшего результата обстреливает пустой берег с невидимым (несуществующим?) лагерем туземцев. В этой сцене рутинного, механического безумия к мотиву пустоты-ирреальности добавляется мотив пустоты-абсурда, и, взятые вместе, они определяют в повести характер взаимодействия Запада и первобытной Африки. Беспольным, неуместным и бессмысленным выглядит там не только европейское оружие, но и остальные атрибуты цивилизации, на которых останавливается взгляд Марлоу: железнодорожная вагонетка вверх колесами, похожая на скелет животного, куча ржавых рельсов, разбитые дренажные трубы и пр. В окрестностях офиса компании Марлоу наблюдает жуткую и в то же время абсурдную сцену железнодорожного строительства, в которую вовлечено множество чернокожих рабочих, более похожих на невольников, умирающих от болезней и голода тут же, под деревьями, в подобии призрачной рощи смерти. М. Лоренц обратил внимание на символическое значение белой нитки, повязанной вокруг шеи умирающего черного юноши и вызвавшей недоумение Марлоу. По мнению исследователя, нить – своеобраз-

ная эмблема западной индустрии, – сменившая металлический ошейник на шее раба, ясно дает понять, что в колониальном капитализме – при номинальной отмене рабства – рабство лишь сменило свою маску. Характерно, что сразу же после этой сцены в роже Марлоу встречается главного бухгалтера станции в белоснежном костюме, так что читатель получает возможность в полной мере оценить глубину символа и вместе с тем сарказм Конрада [17, p. 29].

Продвигаясь с караваном пешком вглубь джунглей, к Центральной Станции, Марлоу отмечает бьющий в глаза контраст между разбегающимися тропинками и безлюдьем некогда населенной, а ныне опустевшей, точнее, опустошенной во имя прогресса, земли. Так появляется мотив пространственной пустоты ("emptiness"), который органично сочетается с мотивами ирреальности и абсурда, формируя эмоциональный и в то же время символический фон для событий повести.

Пустота в художественном пространстве «Сердца тьмы» предстает принципом, организующим (впрочем, скорее дезорганизующим) не только фон, но и фигуры. Устами Марлоу называя охотников за слоновой костью «пилигримами без веры» ("faithless pilgrims"), Конрад создает выразительный оксюморон, характеризующий незнакомую прежде рассказчику категорию людей – примитивных по выбору и убеждению, избавивших себя от какой бы то ни было системы ценностей.

Ключевым при создании образов представителей администрации и самого Куртца становится мотив пустотелости ("hollow"), спустя четверть века позаимствованный именно у Конрада Т. С. Элиотом для стихотворения «Полые люди» – "The Hollow Men" [13, с. 139–149]. Внутренняя пустота, у Элиота исключительно метафорическая, в «Сердце тьмы» предстает еще и фантазмагорически буквальной: некоторые из попадающихся Марлоу европейцев, приехавших в Африку за слоновой костью, – полые, пустотелые люди. Так, главный менеджер Центральной Станции описан Конрадом как человек без свойств, не вызывающий никаких эмоций, кроме чувства неловкости. Единственное его достоинство заключается в том, что он никогда не болеет там, где тропические болезни косят людей. Вспоминая о нем, Марлоу то ли в шутку, то ли всерьез предполагает, что у него не было ничего внутри ("Perhaps there was nothing within him" [17, p. 37]). В многократно издававшемся русском переводе «Сердца тьмы», сделанном А. Кривцовой, по какой-то причине устранена возможность буквального понимания фразы: «Быть может, он ровно ничего собой не представлял» [5, с. 39], что, на наш взгляд, существенно искажает авторское видение образа. Это решение переводчика выглядит тем более необъяснимым, что в соседнем абзаце идея буквальной внутренней пустоты чиновника получает адекватный перевод: сетуя на постоянные болезни подчиненных, тот замечает, что «людям, сюда приезжающим, не следовало бы иметь никаких внутренних органов» ("Men who come out here should have no entrails" [17, p. 37]).

Еще один едва ли не гротескный персонаж – агент Центральной Станции, обладатель неуместных в африканской глуши повадок аристократа, прибывший сюда организовать производство кирпичей и занимающийся чем угодно, но не своим делом. После разговора с этим Мефистофелем из папье-маше ("this papier-mache Mephistopheles"), с ухмылкой разглагольствующим о прогрессе и милосердии, Марлоу снова ловит себя на ощущении, что перед ним кукла, в которой, если проткнуть ее пальцем, обнаружится разве что немного жидкой грязи: "it seemed to me that if I tried I could poke my forefinger through him, and would find nothing inside but a little loose dirt, maybe" [17, p. 41].

Таким образом, в обоих случаях физическая пустота приверженцев культа слоновой кости предельно выразительно иллюстрирует степень их моральной и духовной пустоты. Мартин де ла Рошер в работе «Звучание пустого сердца Запада» допустил, что на художественное решение Конрада изобразить колониальный персонал в виде полых фигур прямо повлияла открытая в конце XIX в. технология рентгена. Будучи символом западного технологического прогресса и вызванного им чувства превосходства, она по иронии судьбы стала еще и инструментом, позволяющим обнаружить внутреннюю пустоту западного человека [31, p. 225].

Насколько можно понять, пустотелые фигуры служащих в свою очередь служат фоном для Куртца, который с определенного момента завладевает мыслями Марлоу. Этим моментом становится невольно подслушанный им разговор между главным менеджером и его дядей, обсуждающими Куртца как опасного и нежелательного конкурента, приславшего со своей Внутренней Станции много слоновой кости и счет-фактуру ("invoice"). Внутри этого сугубо финансового термина содержится слово "voice" – «голос», так что "invoice" – по аналогии с английским поэтическим неологизмом «inscape» («внутренний ландшафт» или «внутренний

пейзаж») [20, p. 132] – может означать что-то вроде «ландшафта, созданного голосом» или «отдельно существующего голоса». Этот образ, возникший из игры слов, которую уловил в неродном английском языке поляк Конрад, отныне будет единственной репрезентацией Куртца в сознании Марлоу, рвущегося в джунгли только для того, чтобы услышать, *как* говорит этот человек, но не *что* он говорит.

Марлоу вспоминает, что еще до встречи с ним никогда не представлял его действующим, но только рассуждающим ("I had never imagined him as doing, you know, but as discoursing" [17, p. 63]). Получив представление о «необоснованном методе» ("unsound method") мистера Куртца – увидев в бинокль отрубленные головы туземцев на шестах вокруг его хижины – Марлоу пытается объяснить самому себе причины невероятной перемены, которая произошла с блестяще образованным и некогда в высшей степени цивилизованным европейцем: первобытная глушь заворожила его, нашептала ему то, чего он сам не знал о себе, и этот шепот «громким эхом отозвался в нем, потому что он был пуст в своей основе» ("It echoed loudly within him because he was hollow at the core" [17, p. 74]). Бертран Рассел, знакомый с Конрадом лично, отметил присущее писателю в силу его морского опыта острое понимание того, что «цивилизованная и хоть сколько-нибудь нравственно приемлемая жизнь» подобна «опасной прогулке по едва застывшей лаве, которая в любой миг может разверзнуться и поглотить неосторожного» [9, с. 252]. После смерти Куртца Марлоу сожалеет, кажется, только о том, что его великолепный голос исчез, и не без удивления осознает, что кроме голоса там ничего и не было, так что оплакивать некого. На наш взгляд, именно искренним разочарованием, а не цинизмом вызвано это неожиданное «пилигримы похоронили что-то в грязной яме» ("The voice was gone. What else had been there? But I am of course aware that next day the pilgrims buried something in a muddy hole" [17, p. 87]).

Куртц не имеет личности, или, точнее, она целиком сведена к голосу, однако в глазах Конрада сам факт пустоты ни в коем случае не уравнивает его с кирпичником и менеджером. Попытки разграничить два вида пустоты предприняты несколькими английскими и американскими литературоведами. Так, Чарльз Кокс в своей работе «Выбор между кошмарами?» усматривает разницу в том, что в отличие от Куртца его коллеги лишены эмоций, мертвы при жизни, и потому невосприимчивы к опасному очарованию тьмы [19, p. 41]. Ричард Гекоски в эссе «Сердце тьмы» в свою очередь отмечает, что здесь противостоят друг другу пустота как простое отсутствие любого содержания ("void") и небытие ("the nothingness"), в котором эхом отдается конечная бессмысленность всех вещей [21, p. 70]. Исследователь задается вопросом, в какой степени деградация Куртца действительно обусловлена его пустотой, и пытается понять, как в сознании Марлоу уживаются два противоречащих друг другу представления: констатация внутренней пустоты Куртца и едва ли не преклонение перед замечательным человеком, который в отличие от многих осмелился заглянуть в тьму своей души и вынес себе приговор, тем самым одержав моральную победу – а именно так Марлоу оценивает знаменитые последние слова Куртца ("Horror! Horror!"). Гекоски приходит к выводу о том, что Конрад не дает (не может дать?) удовлетворительного ответа ни на один из этих вопросов. Внутренняя пустота Куртца вызывает вопросы и у Альберта Герарда, по мнению которого главное противоречие «Сердца тьмы» заключается в том, что Конрад расценивает зло в природе Куртца как активную энергию, но определяет его как пустоту [22, p. 7].

Джеймс Гетти посвящает «Сердцу тьмы» одну из глав своей монографии «Пределы метафоры» и размышляет в ней над противоречием между вдохновенным красноречием Куртца и его пустотой – противоречием, которое Марлоу, видимо, отчасти смог разрешить для себя после встречи в Брюсселе с журналистом, бывшим коллегой агента Внутренней Станции. Тот запомнил Куртца как человека, который «имел веру» – «мог заставить себя поверить во что угодно» и стал бы «отличным лидером какой-нибудь крайней партии» ("He had faith – don't you see? – he had the faith. He could get himself to believe anything-anything. He would have been a splendid leader of an extreme party") [17, p. 89]. На наивный уточняющий вопрос Марлоу о том, какую именно партию его собеседник имеет в виду, последовал ответ: «Любую партию!» ("Any party"). Гетти обращает внимание на это недоразумение: вера Куртца не была верой в единый моральный идеал, объединяющий людей одной конфессии или политической партии. Куртц верил в себя как в человека, который вправе придерживаться морали или отказаться от нее [23, p. 48].

Так в повести подспудно возникает образ музыкального инструмента, звучащего за счет своей пустотелости и только благодаря ей. Куртц действительно подобен инструменту,

который может с одинаковой страстью исполнять любую музыку. По мысли Джона Х. Миллера, сама дикая глушь использует Куртца как манекен чревоугодника, транслируя через него свои ужасные послания миру [30, р. 50]. Читатель, получивший представление о прошлом «универсального гения», экстремиста и идеалиста, без труда распознает в нем романтического индивидуалиста – тип, широко распространенный в западной культуре Нового времени; к концу XIX столетия он естественным образом обретает черты ницшеанского сверхчеловека. Иэн Уотт, например, именно и предлагает рассматривать Куртца как романтического индивидуалиста эпохи позитивизма и хищнического утилитаризма, который претерпел атавистическую регрессию [34, р. 88], но до конца сохранял крохи романтического энтузиазма, хотя и чудовищно искаженного.

Наконец, пустота окутывает и Марлоу, рассказывающего на яхте «Нелли» свою историю и временами осознающего невозможность артикулировать опыт и переживания, вынесенные из первобытной глуши. Язык как система упорядочивания реальности способен передать лишь «поверхностные истины» („surface truth”), под которыми клубится невыразимое – это чувство беспомощности знакомо каждому, кто пытался пересказать сон. Марлоу именно его и испытывает: "It seems to me I am trying to tell you a dream – making a vain attempt, because no relation of a dream can convey the dream-sensation, that commingling of absurdity, surprise, and bewilderment.." [17, р. 42]. Питер Брукс, посвятивший повести Конрада эссе «Нечитаемый отчет», обращает внимание на это сопротивление языка и приходит к выводу, что сердце тьмы, куда заглянул Марлоу, а до него Куртц, пребывает за пределами культуры, делающей язык возможным, и потому принципиально экстралингвистично [16, р. 116].

С проблемой ограниченных возможностей языка естественным образом коррелирует проблема принципиальной непознаваемости реальности, актуальная для Конрада в силу присущего ему скептицизма – не философского, а интуитивного, выработанного под влиянием жизненного опыта [28, р. 9]. Марлоу, который в своем африканском путешествии почти физически ощущал непроницаемость немой глуши, потому и не может позже подобрать слов ни для выражения впечатлений от нее, ни для подведения итога своего путешествия. Как слова лишь скользят по поверхности вещей, так и Марлоу может только подсветить смутные очертания фигуры Куртца, выбравшего стать частью этой первобытной жизни. Рассказчик не в состоянии прояснить ни себе, ни слушателям смысл рассказанной истории. В высшей степени двусмысленные финальные слова Куртца также не содержат ответов на вопросы и не могут расцениваться как подведение итогов.

Единственным осязаемым результатом путешествия к сердцу тьмы для Марлоу становится ясное видение двух отдельных реальностей, двух «кошмаров» ("nightmares") – глянцевого лицемерия цивилизации и первозданной животной откровенности. Выбор между ними для героя невозможен, и этот зазор между культурой и природой, дисциплинированным миром разума и скрытой нефотогеничной сутью вещей отныне становится местом пребывания Марлоу, неприкаянного и как бы подвешенного в пустоте между двумя несовместимыми уровнями бытия. Видимо, не случайно он рассказывает свою историю в позе проповедующего Будды, правда, без цветка лотоса. В сгустившихся сумерках он становится невидимым для собеседников, и все, что им остается во тьме и в пустоте, – его голос ("For a long time already he, sitting apart, had been no more to us than a voice" [17, р. 43]).

Наконец, идея пустоты обнаруживает себя на уровне повествовательной структуры повести с ее многослойностью и сложным взаимодействием нарративов. В своем эссе «Голос тьмы» Клод Мизона (Claude Maisonnat) замечает, что всякое великое произведение содержит в себе сущность, которая может быть названа «голосом текста» («textual voice»). По мысли исследователя, это «средство, которое успешно преобразует и распространяет голос автора в вымышленные голоса, составляющие повествование» [29, р. 165]. Будучи своеобразным незримым дирижером, безмолвной «реальностью, исключенной из репрезентации» [29, р. 166], иными словами – пустотой, голос текста обнаруживает свое присутствие по производимым им эффектам. Его действие можно уподобить тому самому конрадовскому призрачному лунному сиянию, благодаря которому становится видимым подсвеченный им туман.

Итак, идея пустоты проходит красной нитью сквозь все уровни повести Конрада. В тексте задействован целый комплекс связанных с пустотой ассоциаций, среди которых – тьма, смерть, ничто, пустое пространство, пустотелость, ирреальность, абсурдность, невыразимость, непознаваемость и бесплодность. Переплетаясь между собой, они формируют идейный, тематический и символический каркас «Сердца тьмы».

Список литературы

1. Гэрко Л. Один из нас // Иностранная литература. 2000. № 7. С. 179–183.
2. Кабанова И. В. Зарубежная литература : пособие для учащихся старших классов и студентов. Саратов : Лицей, 2002. 272 с.
3. Кашкин И. А. Конрад // Для читателя-современника. Статьи и исследования. М. : Советский писатель, 1977. С. 295–319.
4. Коковкина А. А. Аксиология пустоты в европейской и восточной традициях // Вестник Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии. 2011. № 1–1 (7). С. 53–62.
5. Конрад Дж. Сердце тьмы и другие повести. СПб. : Азбука, 1999. 640 с.
6. Конрад Дж. Письма // Иностранная литература. 2000. № 7. С. 235–245.
7. Никулина А. Г. Сакральные и профанные смыслы пустоты // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 8 (82). С. 131–134.
8. Приходько В. С. Отчужденность и откровение: парадоксальность взаимодействия с «Другим» в «Сердце тьмы» Джозефа Конрада // Эстетизация личного опыта в европейском романе XVIII – XX вв. / кол. авт.: О. А. Джумайло, В. В. Котелевская, В. С. Приходько, И. А. Черненко. Ростов н/Д : Изд-во Южного федерального университета, 2014. С. 162–206.
9. Рассел Б. Джозеф Конрад // Иностранная литература. 2000. № 7. С. 251–254.
10. Сафарова З. А.-Г. Значимость «человеческого фактора» в произведениях Джозефа Конрада // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 3. С. 726–730. DOI: 10.30853/phil20220125.
11. Урнов Д. М. Джозеф Конрад. М. : Наука, 1977. 127 с.
12. Хьюитт К. Джозеф Конрад: проблема двойственности // Иностранная литература. 2000. № 7. С. 169–178.
13. Элиот Т. С. Полые люди (пер. С. Степанова) // Избранная поэзия. Поэмы, лирика, драматическая поэзия. СПб. : Северо-Запад, 1994. С. 139–149.
14. Brantlinger P. Heart of Darkness: Anti-Imperialism, Racism, or Impressionism? // Heart of Darkness (Case Studies in Contemporary Criticism) / ed. by Ross C. Murphin. Boston : Bedford, 1996. Pp. 277–296.
15. Brook T. Preserving and Keeping Order by Killing Time in Heart of Darkness // Heart of Darkness (Case Studies in Contemporary Criticism) / ed. by Ross C. Murphin. Boston : Bedford, 1996. Pp. 239–258.
16. Brooks P. An Unreadable Report: Conrad's Heart of Darkness // Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations) / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. Pp. 105–127.
17. Conrad J. Heart of Darkness. Complete, Authoritative Text with Biographical and Historical History, and Essays from Five Contemporary Critical Perspectives // Heart of Darkness (Case Studies in Contemporary Criticism) / ed. by Ross C. Murphin. Boston : Bedford, 1996. P. 315.
18. Conrad's Heart of Darkness and Contemporary Thought. Revisiting the Horror with Lacoue-Labarthe / ed. by N. Lawtoo. London : Bloomsbury, 2012. P. 284.
19. Cox C. B. Heart of Darkness: A Choice of Nightmares? // Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations) / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. Pp. 29–43.
20. Fogel A. Forceful Overhearing // Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations) / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. Pp. 129–138.
21. Gekoski R. A. Heart of Darkness // Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations) / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. Pp. 57–75.
22. Guerard A. J. The Journey Within // Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations) / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. Pp. 5–16.
23. Guetti J. "Heart of Darkness": The Failure of Imagination // The Limits of Metaphor; a Study of Melville, Conrad, and Faulkner. New York : Cornell University Press, 1967. Pp. 46–68.
24. Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations) / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. P. 160.
25. Lacoue-Labarthe P. The horror of the West // Conrad's Heart of Darkness and Contemporary Thought. Revisiting the Horror with Lacoue-Labarthe / ed. by N. Lawtoo. London : Bloomsbury, 2012. Pp. 111–120.
26. Lawtoo N. Introduction: "An emotion of thought" // Conrad's Heart of Darkness and Contemporary Thought. Revisiting the Horror with Lacoue-Labarthe / ed. by N. Lawtoo. London : Bloomsbury, 2012. Pp. 1–15.
27. Lorenz M. N. Distant Kinship. Joseph Conrad's "Heart of Darkness" in German Literature: Gender, Class, Race, and Trauma. Springer-Verlag GmbH Germany, 2022. P. 514. DOI: 10.1007/978-3-476-05878-2.
28. McGinnity M. Form and Function of Scepticism in the Fiction of Joseph Conrad. A Dissertation Submitted to the Faculty of the Graduate School of Loyola University in Partial Fulfillment of the Requirements for the Doctor of Philosophy. 1968. P. 322.
29. Maisonnat C. The voice of darkness // Conrad's Heart of Darkness and Contemporary Thought. Revisiting the Horror with Lacoue-Labarthe / ed. by N. Lawtoo. London : Bloomsbury, 2012. Pp. 164–178.
30. Miller J. Hillis. The "Heart of Darkness" Revisited // Heart of Darkness (Case Studies in Contemporary Criticism) / ed. by Ross C. Murphin. Boston : Bedford, 1996. Pp. 206–220.

31. Rochère M. H. D. Sounding the hollow heart of the West: X-rays and the technique de la mort // Conrad's Heart of Darkness and Contemporary Thought. Revisiting the Horror with Lacoue-Labarthe / ed. by N. Lawtoo. London : Bloomsbury, 2012. Pp. 221–235.

32. Smith J. M. "Too Beautiful Altogether?": Ideologies of Gender and Empire in Heart of Darkness // Heart of Darkness (Case Studies in Contemporary Criticism) / ed. by Ross C. Murphin. Boston : Bedford, 1996. Pp. 169–184.

33. Tessitore J. Freud, Conrad and Heart of Darkness // Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations) / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. Pp. 91–103.

34. Watt I. Heart of Darkness and Nineteenth-Century Thought // Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations) / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. Pp. 77–89.

The image of emptiness in the story of J. Conrad "The Heart of Darkness"

Mikhaylenko Elena Nikolaevna

PhD in Philology, associate professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Publishing at the Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology.
Russia, Ufa. E-mail: mikhaylenko71@bk.ru

Abstract. "The Heart of Darkness" by J. Conrad is one of the most complex and ambiguous works of European literature at the turn of the XIX–XX centuries, which gave rise, first of all in Western literary studies, to an extensive critical tradition. The novelty of this research consists in the author's attempt to prove that one of the universal principles organizing the space of the story is the idea of emptiness. This aspect of the artistic structure of the "Heart of Darkness" has not been given due attention in Russian Conrad studies.

The concept of emptiness in Western culture, since the Middle Ages, appears predominantly negatively colored, since positive connotations due to the influence of Christianity are fixed to the concept of completeness. The range of associations associated with emptiness includes images of darkness, death, nothingness, empty space, emptiness, unreality, meaninglessness, unknowability, inexpressibility and futility. The author of the article draws attention to the fact that they are presented in the "Heart of Darkness" in their entirety, and consistently analyzes the components of the work in which they are implemented. It is noted that Conrad turned to them when creating a spatio-temporal background, when depicting images of characters and when building a complex narrative strategy with a change of narrators and points of view. The conclusion of the article is that the images and motifs embodying the idea of emptiness permeate all levels of the story and, interacting with each other, form the ideological, thematic and symbolic framework of the work.

The result of this study may be useful to specialists in English culture and literature, as well as to anyone interested in the work of Joseph Conrad.

Keywords: Joseph Conrad, "Heart of Darkness", emptiness, symbol, leitmotif.

References

1. Gerko L. Odin iz nas [One of us] // *Inostrannaya literatura* – Foreign literature. 2000. No. 7. Pp. 179–183.
2. Kabanova I. V. *Zarubezhnaya literatura : posobie dlya uchashchihsya starshih klassov i studentov* [Foreign literature : a manual for high school students and students]. Saratov. Lyceum, 2002. 272 p.
3. Kashkin I. A. *Konrad* [Conrad] // *Dlya chitatelya-sovremennika. Stat'i i issledovaniya* – For a contemporary reader. Articles and research. M. Sovetskiy pisatel' (Soviet writer), 1977. Pp. 295–319.
4. Kokovkina A. A. *Aksiologiya pustoty v evropejskoj i vostochnoj tradicijah* [The axiology of emptiness in European and Eastern traditions] // *Vestnik Dal'nevostochnoj gosudarstvennoj social'no-gumanitarnej akademii* – Herald of Far Eastern State Social and Humanitarian Academy. 2011. No. 1–1 (7). Pp. 53–62.
5. *Conrad J. Serdce t'my i drugie povesti* [The Heart of Darkness and other stories]. SPb. Azbuka (ABC), 1999. 640 p.
6. *Conrad J. Pis'ma* [Letters] // *Inostrannaya literatura* – Foreign literature. 2000. No. 7. Pp. 235–245.
7. Nikulina A. G. *Sakral'nye i profannye smysly pustoty* [Sacred and profane meanings of emptiness] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* – Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. 2017. No. 8 (82). Pp. 131–134.
8. Prihod'ko V. S. *Otchuzhdennost' i otkrovenie: paradoksal'nost' vzaimodejstviya s "Drugim" v "Serdce t'my" Dzhozefa Konrada* [Alienation and revelation: the paradoxical nature of interaction with the "Other" in Joseph Conrad's "Heart of Darkness"] // *Eстетизация личного опыта в европейском романе XVIII – XX вв.* – Aestheticization of personal experience in the European novel of the XVIII – XX centuries / col. of authors: O. A. Dzhumailo, V. V. Kotelevskaya, V. S. Prikhodko, I. A. Chernenko. Rostov-na-Donu. Publishing House of Southern Federal University, 2014. Pp. 162–206.

9. Russell B. *Dzhozef Konrad* [Joseph Conrad] // *Inostrannaya literatura* – Foreign literature. 2000. No. 7. Pp. 251–254.
10. Safarova Z. A.-G. *Znachimost' "chelovecheskogo faktora" v proizvedeniyah Dzhozefa Konrada* [The importance of the "human factor" in the works of Joseph Conrad] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* – Philological sciences. Questions of theory and practice. 2022. Vol. 15. No. 3. Pp. 726–730. DOI: 10.30853/phil20220125.
11. Urnov D. M. *Dzhozef Konrad* [Joseph Conrad]. M. Nauka (Science), 1977. 127 p.
12. Hewitt K. *Dzhozef Konrad: problema dvojstvennosti* [Joseph Conrad: The problem of duality] // *Inostrannaya literatura* – Foreign literature. 2000. No. 7. Pp. 169–178.
13. Eliot T. S. *Polye lyudi (per. S. Stepanova)* [Hollow people (transl. S. Stepanov)] // *Izbrannaya poeziya. Poemy, lirika, dramaticheskaya poeziya* – Selected poetry. Poems, lyrics, dramatic poetry. SPb. Severo-Zapad (North-West), 1994. Pp. 139–149.
14. Brantlinger P. *Heart of Darkness: Anti-Imperialism, Racism, or Impressionism?* // *Heart of Darkness (Case Studies in Contemporary Criticism)* / ed. by Ross C. Murphin. Boston : Bedford, 1996. Pp. 277–296.
15. Brook T. *Preserving and Keeping Order by Killing Time in Heart of Darkness* // *Heart of Darkness (Case Studies in Contemporary Criticism)* / ed. by Ross C. Murphin. Boston : Bedford, 1996. Pp. 239–258.
16. Brooks P. *An Unreadable Report: Conrad's Heart of Darkness* // *Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations)* / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. Pp. 105–127.
17. Conrad J. *Heart of Darkness. Complete, Authoritative Text with Biographical and Historical History, and Essays from Five Contemporary Critical Perspectives* // *Heart of Darkness (Case Studies in Contemporary Criticism)* / ed. by Ross C. Murphin. Boston : Bedford, 1996. P. 315.
18. *Conrad's Heart of Darkness and Contemporary Thought. Revisiting the Horror with Lacoue-Labarthe* / ed. by N. Lawtoo. London : Bloomsbury, 2012. P. 284.
19. Cox C. B. *Heart of Darkness: A Choice of Nightmares?* // *Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations)* / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. Pp. 29–43.
20. Fogel A. *Forceful Overhearing* // *Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations)* / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. Pp. 129–138.
21. Gekoski R. A. *Heart of Darkness* // *Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations)* / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. Pp. 57–75.
22. Guerard A. J. *The Journey Within* // *Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations)* / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. Pp. 5–16.
23. Guetti J. *"Heart of Darkness": The Failure of Imagination* // *The Limits of Metaphor; a Study of Melville, Conrad, and Faulkner*. New York : Cornell University Press, 1967. Pp. 46–68.
24. *Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations)* / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. P. 160.
25. *Lacoue-Labarthe P. The horror of the West* // *Conrad's Heart of Darkness and Contemporary Thought. Revisiting the Horror with Lacoue-Labarthe* / ed. by N. Lawtoo. London : Bloomsbury, 2012. Pp. 111–120.
26. Lawtoo N. *Introduction: "An emotion of thought"* // *Conrad's Heart of Darkness and Contemporary Thought. Revisiting the Horror with Lacoue-Labarthe* / ed. by N. Lawtoo. London : Bloomsbury, 2012. Pp. 1–15.
27. Lorenz M. N. *Distant Kinship. Joseph Conrad's "Heart of Darkness" in German Literature: Gender, Class, Race, and Trauma*. Springer-Verlag GmbH Germany, 2022. P. 514. DOI: 10.1007/978-3-476-05878-2.
28. McGinnity M. *Form and Function of Scepticism in the Fiction of Joseph Conrad. A Dissertation Submitted to the Faculty of the Graduate School of Loyola University in Partial Fulfillment of the Requirements for the Doctor of Philosophy*. 1968. P. 322.
29. *Maisonnat C. The voice of darkness* // *Conrad's Heart of Darkness and Contemporary Thought. Revisiting the Horror with Lacoue-Labarthe* / ed. by N. Lawtoo. London : Bloomsbury, 2012. Pp. 164–178.
30. Miller J. Hillis. *The "Heart of Darkness" Revisited* // *Heart of Darkness (Case Studies in Contemporary Criticism)* / ed. by Ross C. Murphin. Boston : Bedford, 1996. Pp. 206–220.
31. Rochère M. H. D. *Sounding the hollow heart of the West: X-rays and the technique de la mort* // *Conrad's Heart of Darkness and Contemporary Thought. Revisiting the Horror with Lacoue-Labarthe* / ed. by N. Lawtoo. London : Bloomsbury, 2012. Pp. 221–235.
32. Smith J. M. *"Too Beautiful Altogether?": Ideologies of Gender and Empire in Heart of Darkness* // *Heart of Darkness (Case Studies in Contemporary Criticism)* / ed. by Ross C. Murphin. Boston : Bedford, 1996. Pp. 169–184.
33. Tessitore J. *Freud, Conrad and Heart of Darkness* // *Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations)* / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. Pp. 91–103.
34. Watt I. *Heart of Darkness and Nineteenth-Century Thought* // *Joseph Conrad's Heart of Darkness (Modern Critical Interpretations)* / ed. by H. Bloom. New York : Chelsea House, 1987. Pp. 77–89.